УДК 94(47).084.1
УДК 94(47).084.2

А. В. Шубин

Альтернатива социалистического многопартийного правительства в 1917 г.

Одной из важных и, на мой взгляд, вполне реальных альтернатив тому курсу революции 1917–1922 гг. и последующему развитию страны, которые мы знаем, было многопартийное правительство «всей демократии», или «однородное социалистическое правительство». Речь идет о широкой левой коалиции эсеров, меньшевиков и большевиков без кадетов. О возможности и необходимости этой коалиции летом 1917 г. заговорили левые социалисты в спектре от левого крыла эсеров и меньшевиков-интернационалистов до умеренного крыла большевиков (а иногда — и до Ленина включительно). К этому времени стало ясно, что либерально-социалистическая коалиция Временного правительства заморозила социальные преобразования в условиях, когда социально-экономический кризис обостряется. Социальная болезнь усиливалась, а коалиция социалистов и кадетов блокировала попытки приступить к лечению. Представления социалистов и кадетов о перспективах социальных реформ были столь различны, что компромисс заключался в их замораживании по крайней мере до Учредительного собрания, которое придаст дальнейшим преобразованиям достаточный запас легитимности. Социал-либеральную коалицию ослабляло и отсутствие опоры в представительных органах власти, так как созыв Учредительного собрания затягивался[1]. Из этой ситуации логично вытекала идея заменить коалицию разнородных сил однородной, опирающейся на организованную силу. Для правых это была идея военной диктатуры с либеральными «выносными мозгами» в виде кадетских и более правых деятелей. Для левых — идея многопартийного социалистического правительства, опирающегося на Советы и другие демократические организации (переизбранные земства и городские думы, профсоюзы, кооперативы). Созыв I Съезда советов рабочих и солдатских депутатов давал шанс выстроить такую систему опоры новой власти до Учредительного собрания. Идея однородного социалистического правительства была прямо высказана левым крылом ПСР 4 июня на заседании эсеровской фракции I Съезда советов.

Но когда левые предложили обсудить возможность «взять власть в руки социалистов»[2], им ответили, что демократия для этого еще слаба, правительство не сможет вывести страну из кризиса, и трудящиеся будут недовольны эсерами, если они возьмут на себя большую долю ответственности. Партийное единство сковывало сторонников левой коалиции в ПСР, и оно же блокировало усилия правых большевиков, поскольку их товарищи по партии скептически относились к идее союза с «соглашателями».

Возникновение в ходе революции системы Советов поставило вопрос о возможности превращения ее в часть или даже основу будущего социально-политического устройства. Советская альтернатива возникла при гегемонии социалистических партий и стала действовать как российская форма народовластия.

На поле советской демократии конкурировали три альтернативы — центристы, представлявшие по сути интересы правящей партии; левые центристы в спектре от правых большевиков до левых меньшевиков и левых эсеров, а иногда — и до эсеровского центра; левые радикалы, прежде всего большевики, взявшие курс на скорейший переход к пролетарской, социалистической революции.

В то же время умеренные социалисты, лидировавшие в Советах до осени 1917 г., осознавали, что органы низового самоуправления не представляют большинства населения. Но, заступаясь за пассивное большинство, пытаясь подвести под государственные решения как можно более широкую социальную базу на выборах в Учредительное собрание, умеренные социалисты рисковали потерять поддержку активного меньшинства населения, от которого в условиях революции зависела судьба власти. В то же время социальные преобразования с опорой на более активное радикальное меньшинство могли привести к широкомасштабной гражданской войне с теми слоями, интересы которых оказались бы ущемлены в ходе реформ. Маневрируя между этими Сциллой и Харибдой в течение последующих месяцев, умеренные социалисты вплотную подошли к одной крайности, а большевики — к другой. Но в начале июля (во время июльского кризиса), в начале сентября (сразу после поражения Корнилова) и в ноябре (переговоры под эгидой Викжеля о создании «однородного социалистического правительства») большевики еще могли быть вовлечены в левосоциалистическое правительство, опирающееся на Советы. Такой вариант развития событий неизбежно повлиял бы на позицию партии большевиков. Ответственность партии, вовлеченной в правящую коалицию, делает ее несколько правее, умереннее. Создание левоцентристского советского правительства ускорило бы социальные реформы, что на время разрядило бы ситуацию в решающий момент выборов и созыва Учредительного собрания. И все три раза как умеренные социалисты, так и радикальные большевики проявляли неуступчивость. Сторонники левого правительства, принадлежавшие к разным флангам, не сумели согласовать свои планы (здесь сыграл огромную роль субъективный фактор —

нерешительность одних политиков, маловлиятельность других, взаимное, часто чисто личное недоверие и неприязнь друг к другу у третьих)[3].

Проведение социальных преобразований с опорой на большинство трудящихся (как организованных в советы, так и не имеющих представительства) было возможно в случае компромисса между эсерами, меньшевиками и большевиками на платформе немедленного начала аграрной реформы (с последующим утверждением ее принципов авторитетом Учредительного собрания), государственного регулирования с одновременным расширением участия работников в управлении производством. В условиях войны большое значение приобретало требование скорейшего заключения перемирия и начала переговоров о мире без аннексий и контрибуций. Политическим выражением этой стратегии стала идея ответственности правительства перед Советами, что позволяло выйти из тупика безответственного, но в то же время (и во многом благодаря именно безответственности) безвластного, неспособного добиваться выполнения всех своих решений правительства.

В ходе июльского кризиса большевики выступали за власть Советов, в которых преобладали умеренные социалисты. Это само по себе предполагало переход власти к социалистической коалиции, но от этого отказались лидеры эсеров и меньшевиков. Лидеры советского большинства не желали брать власть в условиях грубого давления вооруженной силы большевиков и анархистов. В этом случае правительство стало бы ответственным не перед Советами, а перед своевольным столичным гарнизоном, «преторианской гвардией» революции. В постановлении совместного заседания ЦК и фракции ПСР утром 5 июля говорилось: «...о перемене в составе министров в данный момент, под влиянием пулеметов, не может быть и речи»[4]. Но при этом и лидеры эсеров не отрицали возможности создания советского правительства. Но тогда логично, чтобы это правительство было создано Съездом советов, а не толпой возбужденных солдат, матросов и рабочих: «Окончательное решение вопроса о составе правительства будет принято на Всероссийском съезде Советов крестьянских, рабочих и солдатских депутатов»[5]. Предполагалось, что такой объединенный съезд соберется в ближайшее время. Но Съезд рабочих, солдатских и крестьянских депутатов будет созван только через полгода.

После разгрома корниловского выступления 31 августа большевики предложили ЦИКу резолюцию «О власти». Она была составлена Каменевым в умеренных тонах и рассчитана на компромисс с полевевшими эсерами и меньшевиками. Резолюция требовала отстранения от власти цензовых элементов (а не только кадетов) и создания власти на новой основе. «Нетерпимы далее ни исключительные полномочия Временного правительства, ни его безответственность. Единственный выход — в создании из представителей революционного пролетариата и крестьянства власти», которая провозгласит демократическую республику, отменит частную собственность на землю и передаст ее в распоряжение крестьянских комитетов, введет в общегосударственном

масштабе рабочий контроль, национализирует важнейшие отрасли, введет налоги на сверхдоходы, отменит тайные договоры и др.[6] Практически все эти требования уже высказывались лидерами меньшевиков и эсеров. Такие предложения большевиков были явным шагом к компромиссу с социалистами.

Это не была инициатива только Каменева и его сторонников. В первых числах сентября Ленин выступил с серией статей, открывавшихся работой с откровенным названием «О компромиссах». Ленин писал: «Союз большевиков с эсерами и меньшевиками против кадетов, против буржуазии... испытан только по одному фронту, только в течение пяти дней, 26–31 августа, во время корниловщины, и такой союз дал за это время полнейшую, с невиданной еще ни в одной революции легкостью достигнутую победу над контрреволюцией, он дал такое сокрушающее подавление буржуазной, помещичьей и капиталистической, союзно-империалистической и кадетской контрреволюции, что гражданская война с этой стороны развалилась в прах, превратилась в ничто в самом начале, распалась до какого бы то ни было “боя”... Если есть абсолютно бесспорный, абсолютно доказанный фактами урок революции, то только тот, что исключительно союз большевиков с эсерами и меньшевиками, исключительно немедленный переход всей власти к Советам сделал бы гражданскую войну в России невозможной»[7]. Таким образом, будет «возможно и вероятно» мирное развитие революции.

Но умеренные социалисты оттолкнули протянутую руку. Резолюция «О власти» была отклонена ЦИКом, хотя выдвинутая против нее резолюция левых меньшевиков отличалась от большевистского проекта лишь нюансами. Лидеры ЦИКа не хотели договариваться с большевиками. 8–10 сентября меньшевистская «Рабочая газета» и эсеровское «Дело народа» выступили с критикой ленинской инициативы.

Но Ленин не очень-то и держался за возможность компромисса. 13 сентября он писал: «...величайшей ошибкой было бы думать, что наше предложение компромисса еще не отвергнуто, что демократическое совещание еще может принять его». Предстоящий форум демократических сил, где социалисты надеялись договориться о создании новой власти, «ничего не решает: решение лежит вне его, в рабочих кварталах Питера и Москвы»[8]. Действительно, попытка создания «однородной демократической» власти Демократическим совещанием провалилась, что облегчило дело подготовки взятия власти от имени Советов.

Но и после Октябрьского переворота переговоры под эгидой Викжеля могли привести к компромиссу, ответственность за срыв которого несут неуступчивые лидеры как левого крыла большевиков, так и представители руководства социалистических партий. Ценой больших усилий 31 октября — 2 ноября умеренные большевики и левые социалисты сумели сблизить позиции, но при этом Каменев и его сторонники вышли за пределы их мандата, а большинство представителей социалистических партий на переговорах сочли их уступки недостаточными. В итоге к 3 ноября переговоры провалились, что предопределило поражение умеренного крыла в борьбе за влияние в партии большевиков[9].

Создание широкой левой коалиции в 1917 г. могло серьезно изменить вектор Российской истории, уводя его в сторону от той колеи, которая привела многих действующих лиц 1917 г. на плаху через два десятилетия. Левая коалиция привела бы страну к Учредительному собранию, которое уже в конце 1917 г. могло бы начать заседания и вскоре принять демократическое конституционное и аграрное законодательство. В то же время левое правительство могло бы приступить к глубоким социальным реформам, которых требовали рабочий класс, крестьянство, с которыми была согласна значительная часть интеллигенции. Но начать преобразования — еще не значит успешно их осуществить. Стратегия широкой левой коалиции, сотрудничества приверженцев разных методов социальных демократических преобразований имела как свои плюсы в сравнении с ленинской стратегией, так и свои минусы.

Коалиция могла не справиться со сложнейшими вызовами, стоявшими перед страной и требовавшими решительных, быстрых и выверенных мер. Большевики действовали во всяком случае решительно, хотя выверенности решений им явно не хватало. Но коалиционная дискуссия, позволяющая учесть разные обстоятельства и мнения, затягивает принятие решений и часто препятствует их последовательности.

Эти плюсы и минусы подтверждает опыт революций XX в. Преобразования широкой левой коалиции проводились коалицией Народного фронта в Испании в 1936–1939 гг. Первоначально они были медлительны и явно отставали от масштабов социального кризиса. Лишь после начала гражданской войны с консервативными, националистическими и фашистскими силами инициатива в революции перешла к массовым профсоюзным и региональным движениям, «самочинные» действия которых прикрывались правительственной надстройкой широкой антифашистской коалиции от левых либералов до анархистов. Она просуществовала с сентября 1936 до мая 1937 г. и раскололась, а затем Народный фронт проиграл войну не только по внутриполитическим, но и по внешнеполитическим причинам[10]. Но как бы мы ни оценивали шансы Народного фронта на победу в Испании, этот урок показывает, что левая коалиция не гарантировала Российскую революцию от разгрома, а ее лидеров — от гибели и эмиграции. Также была пресечена попытка широкой левой коалиции в Чили в 1970–1973 гг. достичь социализма без гражданской войны и диктатуры[11]. Чилийские реформаторы хуже, чем Ленин и лидеры Испанского Народного фронта, усвоили, что революция должна уметь себя защищать. Но трагический финал политики широкой левой коалиции сам по себе не опровергает возможность опробованной ими недиктаторской модели социалистических преобразований.

Вполне возможно, что, столкнувшись с трудностями в проведении реформ, левые центристы сами стали бы прибегать к более авторитарной, репрессивной политике. Ведь участвовали же Каменев и Троцкий в проведении политики «военного коммунизма», и даже эсеровское правительство Комуча в условиях

Гражданской войны в 1918 г. прибегло к репрессиям. Но именно возможность избежать гражданской войны и составляла суть многопартийной социалистической альтернативы ленинской политике. Ведь эта война грозила разрушить социально-экономические и культурные предпосылки дальнейшей модернизации, не говоря уж о социализме.

Стратегия широкой левой коалиции давала шанс сохранить такое обязательное условие перехода к социализму (а не к чему-то другому, иерархическому и бюрократическому), как широкие демократические свободы. Широкая левая коалиция в России давала жизненно важный для демократической революции шанс пройти между контрреволюционным переворотом (чего не удалось избежать в Чили в 1973 г.) и широкомасштабной гражданской войной (с чем опоздали в Испании в 1936 г.).

Решившись взять на себя полноту революционной власти, большевики бросили вызов влиятельным силам, имевшим другое представление о революции. Сопротивление захвату власти было чревато вооруженной конфронтацией. Но большевики не боялись гражданской войны, считая, что сейчас активного сопротивления их натиску не будет. Большевики вообще не видели большой беды в гражданской войне, репрессиях и прочих авторитарных атрибутах «в интересах пролетариата». Таково было настроение не только Ленина и Троцкого, но, что существеннее, — шедших за большевиками масс.

Большевики нашли сильный ход — решиться на захват власти самим, но взять на вооружение не только свои идеи, но идеи самых разных левых сил, чтобы повести за собой не только «свои», но и «чужие» массы. Именно так сформировался «генетический код», «формула» Октября — коммунистический режим + советское общество: синтез большевистского проекта модернизации и общесоциалистических советских идеалов самоорганизации, народовластия, равноправия трудящихся и руководителей, воспринимаемых как «слуги народа», а не его хозяева. Большевизм провозгласил не свою, коммунистическую, а Советскую власть. Таковы два лица Октября — коммунистическое и советское. И эти два лица не совпадают.

Широкая левая коалиция не состоялась, умеренные большевики потерпели поражение, но коммунистическое руководство понимало важность расширения политической базы советской власти при условии своего лидерства. На такое сотрудничество согласились левые эсеры, которые рассчитывали, что в результате успеха советских аграрных преобразований произойдет изменение соотношения сил между двумя советскими партиями как минимум на равноправное. Учитывая численное преобладание крестьян в России, левые эсеры имели шансы нарастить влияние в советской системе до такого уровня, чтобы поставить вопрос о равноправной коалиции с большевиками. Благодаря коалиции с левыми эсерами большевики получили возможность существенно укрепить позиции советской власти в деревне и несколько смягчить кадровый голод. Коалиция была взаимовыгодной, но время играло против нее, так как

каждая сторона надеялась в будущем обойтись без другой. Таким образом, теоретически была возможна альтернатива перехода власти к левым эсерам, возможно, в союзе с частью большевиков. Это значит, что установление советской власти не диктовало однолинейного исторического развития, а включало ряд альтернатив: левоэсеровскую и большевистские — умеренную, ленинскую и лево-коммунистическую.

Лево-центристская альтернатива могла иметь успех и в случае сохранения Учредительного собрания. Конфликт с интеллигенцией и слабость позиций в крестьянской среде не давали большевикам шанса на победу на выборах. На них победили эсеры. Но социалисты, которые получили преобладание в Учредительном собрании, не собирались включать в свою коалицию большевиков, и Собрание уже вряд ли могло стать площадкой компромисса.

Хотя большевики проиграли выборы в Учредительное собрание, они заняли второе место и сохраняли силовой перевес. Сторонники советской власти решились на разгон парламента. Сторонники сохранения Учредительного собрания не смогли найти достаточных сил для его защиты[12]. Трагедия его разгона заключается прежде всего в том, что после этого принципом развития революции стала игра без правил. Ибо уже никто не мог установить правила, признанные большинством общества. Легитимность, сломанная в феврале 1917 г., теперь могла восстановиться только после широкомасштабного силового столкновения. Принятие решений теперь было основано не столько на правилах, сколько на силе.

В ноябре 1917 — январе 1918 г. был упущен шанс на более мягкий выход из кризиса в направлении модернизации и создания социального государства — на магистральный путь европейского общества XX в. Но упущен был шанс, а не гарантированная возможность. Однако путь Ленина практически неизбежно вел к усилению авторитарных черт режима, что уводило траекторию революции от социализма, понимавшегося тогда как демократическое общество. Большевики воспринимали свое диктаторство как временное средство подавления сопротивления меньшинства. Но из сопротивляющихся меньшинств складывалось большинство, и это требовало всё более жестких усилий, авторитарности и насилия. С началом широкомасштабной Гражданской войны в мае–июне 1918 г. эта тенденция стала практически необратимой.

---

1 Подробнее см.: *Шубин А. В.* Великая российская революция: от Февраля к Октябрю 1917 года. М., 2014. С. 217–236.

2 Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. Т. 3. Ч. 1. М., 2000. С. 647.

3 Подробнее см.: *Шубин А. В.* 1) Великая российская революция: от Февраля к Октябрю 1917 года; 2) Старт Страны Советов. Революция. Октябрь 1917 — март 1918. М., 2017*; Рабинович А.* 1) Большевики приходят к власти. М., 1989; 2) Большевики у власти. Первый год советской эпохи в Петрограде. М., 2007.

4 Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. Т. 3. Ч. 1. С. 674–675.

5 Там же. С. 675.

6 Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов. Т. 4. М., 2003. С. 246.
7 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 34. С. 221–222.
8 Там же. С. 244–245.
9 Подробнее см.: *Шубин А. В.* Старт Страны Советов. Революция. Октябрь 1917 — март 1918. С. 30–53; *Рабинович А.* Большевики у власти. Первый год советской эпохи в Петрограде. С. 60–77.
10 Подробнее см.: *Шубин А. В.* Великая испанская революция. М., 2012.
11 Подробнее см.: *Богуш Е. Ю., Щелчков А. А.* Политическая история Чили. М., 2009.
12 Подробнее см.: *Протасов Л. Г.* Всероссийское Учредительное собрание. История рождения и гибели. М., 1997. С. 306–312; *Соколов Б.* Защита Всероссийского Учредительного собрания // Архив русской революции. Т. 13. М., 1992. С. 5–62; *Шубин А. В.* Старт Страны Советов. Революция. Октябрь 1917 — март 1918. С. 190–199.

УДК 94(47).084.1
УДК 94(47).084.2

К. Н. Морозов

Эсеровская демократическая альтернатива Октябрю 1917 г.

Начну с того, что большинство историков весьма настороженно относится к попыткам разговора о возможных альтернативах развития в истории (ретропрогнозирование). И для этого есть вполне объективные основания и причины. Их, на мой взгляд, несколько. Прежде всего для многих вполне убедительно звучит знаменитое: «История не знает сослагательного наклонения». Казалось бы, как с этой аксиомой можно спорить? Но дело в том, что это утверждение аксиомой является только для свершившейся истории, которую нельзя переиграть еще раз. Но для находящихся в точке бифуркации событий возможны разные альтернативы выбора и путей развития (и рисунка) событий. Примечательно, но мало кто отрицает в обыденной жизни гигантскую роль того или иного выбора, той или иной альтернативы в точках бифуркации и ее влияния на судьбу индивидуального человека. Даже на уровне обыденного сознания такая связь большинством людей осознается и не отрицается, но когда речь заходит о возможных альтернативах в развитии общества, то немедленно со всех сторон раздается: «История не знает сослагательного наклонения». И надо сказать, далеко не всегда эти окрики в нашей истории были безобидными и имели мирные последствия.